

БЕЖЕНЦЕВ ПОТРОШИЛИ НА ОРГАНЫ В ТУРЦИИ, А ТЕЛА СБРАСЫВАЛИ В НЕЙТРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. ДАРЬЯ АСЛАМОВА

Дата публикации: 16 Июнь 2016, 07:49

Источник: http://news-front.info/2016/06/16/grechskie-rybaki-bezhencev-potroshili-na-organy-v-turcii-a-tela-sbrasyvali-v-nejtralnye-vody-darya-aslamova/?_utl_t

Они плавают в прозрачных толщах Средиземного моря, маленькие человечки с плотно сжатыми губами и восковыми лицами. Волны качают их, словно голубая колыбель. Соль разъедает их кожу, а рыбы пожирают их плоть. Сильное течение выбрасывает маленьких утопленников на греческие острова, прямо на голые камни.

«Кладбище» спасательных жилетов на острове Лесбос: большинство жилетов поддельные, хотя и стоили не менее 100 евро

Прошлые осень и зима стали кошмаром для жителей острова Лесбос. Отсюда до турецкого берега всего шесть с половиной километров. Трупы беженцев, и детей, и взрослых, негде было хоронить. На острове просто нет мест на кладбищах из-за нехватки земли, и могилы стоят дорого. Однажды контейнер со 120 телами простоял на жаре почти две недели. Наконец, в горах нашли старое заброшенное кладбище, к которому уже заросла тропа. Туда и стали всех сваливать в безымянные могилы под номерами. Ни имен, ни национальностей. Может, когда-нибудь этим несчастным поставят памятник: «Тем, кто не достиг своей цели. Покойтесь с миром».

Но греческие таверны полнятся страшными слухами. Пьяные рыбаки стучат кулаками о деревянные столы и клянутся: Да, да! Мы видели! Своими глазами! Детей и взрослых с зашитыми животами! Их потрошили на органы там, в Турции, а потом контрабандисты сбрасывали трупы в нейтральных водах, надеясь, что рыбы и соль закончат черную работу.

«Почему же полиция здесь, на Лесбосе, не начала расследование? – скептически говорю я. «Ах, что ты понимаешь? – кричит рыбак (люди здесь очень эмоциональные) по имени Ставрос. – Ты не представляешь, что здесь творилось».

С конца лета на берег ежедневно высаживались тысячи людей. Часть из них — больные и раненые. У нас на острове не хватает докторов даже для своих, а тут такое нашествие! Никто не был к этому готов. Властям надо было думать о живых, а не об утопленниках и не о тех, кто умер уже на острове. Стояла адская жара, тела разлагались. Никаких экспертиз. Быстрее в землю и забыть. А я вот не могу забыть. У одного мальчика были вырезаны глаза. Именно **ВЫРЕЗАНЫ**. Они говорят: рыбы съели. Ха! Я рыбачу уже тридцать лет. Рыбы — не хирурги. Как думаешь, на что идут глаза? На пересадку роговицы? Не знал. Думал, их вырезают, чтоб не опознали. Я всякое повидал, но тот мальчишка до сих пор мне снится».

Самый выгодный бизнес в мире

В прошлом декабре турецкие власти арестовали гражданина Израиля (родом с Украины) Бориса Уокера (настоящая фамилия Вольфман), который покупал у сирийских беженцев органы. Изъятие органов происходило в частных турецких клиниках. Выяснилось, что Вольфмана давно разыскивает Интерпол не только за торговлю органами, но и за организацию нелегальных трансплантаций в Косово, Азербайджане и Шри-Ланке в 2008-2014 годах. Этот подпольный бизнес приносил ему отличный доход: от 70 до 100 тысяч евро за орган!

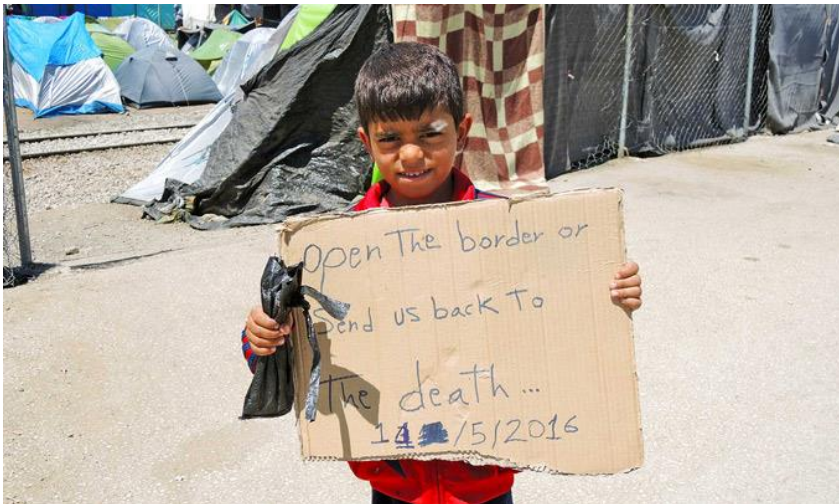
Недавно американский «Newsweek» заявил о страшной цифре: 18 000 сирийских беженцев продали в Турции и Ливане свои почки, чтобы отправиться в Европу. И это только официальные данные!

О взрослых информация есть, а вот о детях — тишина. (Детские органы — самые дорогие. Любой любящий родитель продаст и отдаст все, чтобы спасти жизнь своего ребенка).

«Нелегальная торговля органами — это замкнутый круг, — объяснил мне греческий доктор Димитрис Ксенакис. — Все заинтересованы в молчании. Убитый донор уже ничего не расскажет. Будут молчать и врачи-убийцы, и посредники, и реципиенты, которые вообще не хотят ничего знать. Раньше торговля органами была возможна лишь в странах третьего мира. Например, Индия уже давно превратилась в страну, где процветает «туризм за органами». Хуже всего, что этот бизнес невозможен без покровительства на самых верхах. Я говорю не о местных правительствах. Вырезанная почка живет 48 часов, печень и поджелудочная железа еще меньше. То есть с момента удаления до пересадки счет идет на часы. Кто способен переправить органы самолетом, к примеру, из Сомали или Кении без таможенного досмотра в любую точку земного шара?»

«Кого вы имеете в виду?»

Мой собеседник кротко улыбается. «Я не хочу потерять лицензию и быть втянутым в суды. Ищите сами».

Ребенок-беженец в Греции с плакатом «Откройте границу или пошлите нас обратно умирать»

Куда делись пропавшие дети?

31 января этого года Интерпол ошарашил мир чудовищной цифрой: на территории Европы пропало 10 000 детей-беженцев. Спустя пару месяцев ее уточнили до 12 тысяч. Речь шла только о ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ(!) детях. А это лишь верхушка айсберга.

С июля по сентябрь я прошла с беженцами множество дорог как репортер. Я своими глазами видела, как тысячи молодых агрессивных мужчин штурмом брали пограничные посты или просто шли через леса. Многие из них несли на руках маленьких детей, которые плакали от страха и усталости прямо перед телекамерами. У всех беженцев не было паспортов, которые якобы сгорели во время бомбардировок, и, разумеется, ни у кого из них не было документов на детей.

В те первые безумные месяцы нашествия НИКТО не регистрировал ни взрослых мигрантов, ни детей. Учитывая этот факт, можно предположить, что количество пропавших детей никак не менее 25-30 тысяч человек! Только в благополучной и дисциплинированной Швеции пропало 1000 зарегистрированных(!) детей.

Кстати, их никто не ищет. Я делала запрос в Интерпол с просьбой сообщить мне как журналисту, с кем я могу связаться из следователей. В ответ — молчание.

«Маленький ребенок — это что-то вроде визы и защиты, — рассказывала мне македонская журналистка Милена, с которой мы познакомились в лагере для беженцев Идомени. — Я часто работаю на греко-македонской границе и видела, как мужчины бросаются на полицейских с малышами на руках, зная, что никто не посмеет ударить ребенка. И я абсолютно уверена, что это не ИХ дети. Я даже не говорю о внешнем несходстве: смуглые, слишком молодые парни с голубоглазыми светлокочими мальчиками. Речь о другом. Ни один родитель не подставит своего ребенка под слезоточивый газ и не бросится в гущу толпы, рискуя тем, что его чадо просто затопчут!

Пока балканский маршрут действовал, сербские полицейские нашли в лесу несколько малолетних детей, больных, запуганных, не способных назвать своего имени. Скорей всего, их бросили, когда они заболели и стали обузой для мнимых отцов. Для беженца крепкий, здоровый ребенок — это капитал. Если он хорошенький, его продадут в бордель. Если нет, — разделают как поросенка в мясной лавке на органы. Рядом Косово и Албания с большим

опытом таких операций со времен бомбардировок Югославии. И никто не будет искать этого ребенка, – у него даже нет документов

Кто эти дети?

Их купили. ИГИЛ с момента своего существования активно торгует на базарах женщинами и детьми. Дороже всего ценятся девочки и мальчики до 9 лет, которых продают в сексуальное рабство. Больше всего пострадали езиды. Поскольку террористы считают солнцепоклонников-езидов погаными язычниками, то и отношение к ним самое жестокое. В храме езидов Лалеш неподалеку от Мосула, в одном из древнейших храмов на земле, еще два года назад я видела спасшихся от рук террористов беженцев. Но среди них почти не было детей. Если взрослым удавалось бежать, то почти все дети езидов или погибли, или попали в рабство.

Католичка Мария, бежавшая из Мосула, с которой я познакомилась в Анкаве, христианском районе иракского Эрбиля, тихим голосом рассказывала мне, как ей повезло. До взятия города она успела отправить свою единственную дочь к родственникам в Эрбиль. Она и ее муж остались, просто не веря, что иракская армия за считанные часы сдаст огромный город. Часть христиан посадили в автобусы, обобрав их до нитки (Марии пришлось вынуть из ушей золотые серьги, а муж боялся открывать рот, чтоб не показывать золотые зубы). И вот тогда в автобусе разыгрались трагические сцены. Террористы вырвали из рук одной молодой матери пятилетнюю дочь, а у другой под дулами автоматов отобрали десятилетнего сына. Никому из христиан не позволили вывезти красивых малолетних детей.

Среди детей, ввезенных в Европу, также много детей войны, сирот, потерявших родителей во время бомбардировок. Или просто тех, кто сами потерялись в хаосе боевых действий. По оценкам ООН только в Сирии в зоне гражданской войны оказались 5 600 000 детей. А теперь представьте: трехлетний малыш выжил в доме, где погибли или ранены его родители. Плачущего ребенка уведет любой «добрый дядя», который даст ему конфетку или игрушку. Уже через пару недель ребенок будет считать его «своим», а через несколько месяцев о родителях останутся смутные воспоминания. Если вообще останутся.

На пароме, плывшем на остров Лесбос, я познакомилась со стюардом. (Назовем его Костас, иначе он потеряет работу). За 10 месяцев он видел десятки тысяч беженцев, стремившихся к европейскому континенту. Когда я рассказываю ему, как власти ЕС надеются интегрировать эту миллионную массу людей, он заходится смехом. «Этим евробюкратам надо зайти в наш роскошный паром, где все в позолоте и коврах, – говорит он. – Мы ужаснулись, когда обнаружили, как беженцы из Африки, Пакистана и Афганистана, извиняюсь, какали по углам. Когда мы поймали их на горячем, один из них, неплохо говоривший по-английски, объяснил, что мы — НЕЦИВИЛИЗОВАННЫЕ люди, и у нас неправильные туалеты. Мусульмане не могут ходить в такие туалеты, тем более там нет кувшинов с водой для подмывания. Поэтому они предпочли изгадить нам ковры».

Когда речь заходит о пропавших детях, Костас мрачнеет:

«Мне 50 лет, и отцом я стал поздно. У меня молодая жена и трехлетняя дочь. Может, поэтому я так сентиментален. Однажды я увидел негра на пароме с золотоволосым и голубоглазым мальчиком на руках. Я спросил его: «Как тебя зовут, и кто этот ребенок?» Он ответил мне с вызовом: «Я Джордж Мелани, и это мой сын. Что тебе нужно?» У меня просто потемнело в глазах от ярости.

Я дождался ночи, когда пассажиры уснули в креслах, и зажал его в углу. Я бывший спецназовец, и, признаюсь, сильно избил его. Он сознался, что зовут его Ахмед, а ребенка он купил в Турции за 1000 долларов в лагере для беженцев. Он рассчитывал его выгодно перепродать в Европе. Мы сообщили на берег, и в порту этого Ахмеда уже ждали полицейские. А что потом стало с тем ребенком, я не знаю».

«А что нам оставалось делать! Мы же люди!»

Эрик и Филиппа Кемпсоны, английская пара с дочерью, шестнадцать лет назад приехали на Лесбос и просто влюбились в этот остров. Они арендовали маленький домик на берегу моря и остались тут жить. Люди они небогатые. Эрик — замечательный художник и делает настоящие произведения искусства из оливкового дерева. Филиппа тоже на все руки мастер. Туристы охотно покупали их сувениры, и жизнь текла безмятежно. До февраля прошлого года. —

«Беженцев и до этого было много, но мы пытались не обращать внимания, — рассказывает Эрик. — Но в феврале 2015 года поток резко увеличился. Люди приезжали замерзшими, больными, несчастными, а у нас в округе нет ни одного доктора. Их лодки разбивались о камни. Знаете, почему? За два километра до берега контрабандисты, которые не хотели, чтобы их сцапали греческие власти, ломали ключ в замке зажигания, перепрыгивали в моторку своих товарищей и сбегали. Лодка, переполненная людьми, на полной скорости неслась к берегу, а растерянные пассажиры не знали, куда направить руль. Поэтому столько людей разбивалось о камни. Я вставал с рассветом и сигнализировал лодкам, куда им лучше причалить.

Однажды я видел страшное зрелище! Огромная лодка, на борту которой находились 300 человек, напоролась на камни и затонула буквально за несколько секунд! Это было как в кино. Вот она есть, а вот ее уже нет!

Мы бросились в воду, чтобы спасти несчастных. Моя семнадцатилетняя дочь едва не утонула, пытаясь вытащить ребенка, когда в нее вцепился какой-то афганец и потянул ее ко дну. Но ей удалось отбиться и выбраться с ребенком на берег. В тот день погибло шестьдесят человек».

«А куда все эти лодки деваются потом?»

«О, у нас тут целая коллекция очень недешевых лодок. Власти свозят их в горы и даже планируют их сжечь».

«Беженцы в лагере Идомени рассказывали мне, что они пытались купить лодку за 5000 долларов, — говорю я. — Это дешевле, чем каждому скидываться по 1500 долларов за шестикиллометровую прогулку до Лесбоса. Но после отказались от этой идеи. Контрабандисты работают в связке с турецкой полицией. Как только беженцы покупали лодку и самостоятельно отплывали в сторону Греции, их нагоняла турецкая береговая полиция и топила лодку прямо в море!»

«Охотно верю. Контрабандисты и полиция — одна мафия в Турции, — соглашается Эрик. — Настоящий кошмар начался летом. В сутки прибывало по 200 лодок. Я помню октябрьский день, когда прибыло 800(!) лодок, и на берегу оказались 12 000 человек!»

Люди все шли и шли из моря прямо к дверям дома Эрика и Филиппы, похожие на призраков, с лихорадочно горящими глазами, с волосами, полными песка, с волдырями и порезами на ногах. Они просили воды, еды, лекарств, докторов для раненых и детей.

«Мы работали по 24 часа в сутки и просто перестали спать, – продолжает Эрик. – Мы сняли все на видео и бросили клич в ютубе и фэйсбуке: нужны волонтеры, нужна помощь! Не надо давать деньги нам. Оплачивайте счета на продукты и лекарства в соседних магазинах на наше имя. В один день какой-то добрый человек оплатил 3500 бутылок воды. И люди откликнулись. Приехали первые волонтеры. Поступили первые палатки, которые мы поставили прямо в нашем дворе, а потом на берегу. Мы разрешали женщинам с детьми помыться и отдохнуть 24 часа. Дальше им предстоял трехдневный путь через горы в главный порт Лесбоса с младенцами на руках. Власти, чтобы наказать беженцев, запретили им садиться в автобусы и брать такси. Это было страшно! Но никто из беженцев не решился вернуться в Турцию, где их всячески мучили и унижали. Мы дошли до такой степени эмоционального и физического напряжения, что были рады любому, самому бестолковому волонтеру. Одно нас удивляло: где же Красный Крест, где ООН, где Врачи без границ? Где все эти организации, получающие миллиардные дотации от государств и частных спонсоров? Мы были наивны. Нам предстояло узнать множество грязных вещей о мире благотворительности».

Ад человеческой подлости

«Когда остров Лесбос прошлым летом переполнился беженцами, он, наконец, попал в топ-новости всех телекомпаний мира, – рассказывает житель Лесбоса англичанин Эрик Кемпсон. – Тут же стали прибывать сотни волонтеров-проходимцев. Они делали селфи на фоне измученных женщин и детей, и больше мы их не видели. Потом они выставляли фото на фэйсбук и кричали: дайте нам денег, мы трудимся, не покладая рук! Это были настоящие мошенники. Позже, через своих новых друзей в фэйсбуке, которые реально помогали деньгами беженцам, я узнал, что этих людей уже видели в Бангладеше и Пакистане и так они не только вымогают деньги, но и делают себе резюме, чтобы попасть в эти лопающиеся от дотаций организации: в ООН и Красный Крест».

«Были и настоящие, благородные волонтеры, – говорит Филиппа, жена Эрика. – Они потратили все свои деньги, работали круглосуточно, спали по три часа и НИКОГДА не делали селфи. Некоторые из них просто обанкротились. Им не на что было вернуться домой после нескольких месяцев работы. И мы собирали им деньги на билеты».

«На остров прибыли 120 неправительственных организаций, и только десяток из них, действительно, работали, – продолжает Эрик. – Представьте мою ярость, когда выйдя утром на берег, где уже стояли палатки для беженцев, которые мы с нашими новыми друзьями установили, я увидел незнакомых людей, которые спешно прикрепляли к ним стикеры и флаги ООН. Оказывается, на остров пожелал прибыть Верховный комиссар ООН по беженцам. Я спросил: это ваши палатки? Это вы платили за них деньги? Нет, но, понимаете, Верховный комиссар... Мы содрали все их стикеры и флаги. После визита комиссара ООН, наконец, прислала одеяла для беженцев с огромной пластиковой рекламой на них. Пластик шуршал и не давал людям спать. Они пытались его отодрать, но только порвали одеяла.

Есть множество благотворительных организаций, которые занимаются чем угодно, кроме благотворительности. Вроде американского «Международного комитета спасения» (IRC). О, это прямо сливки разведки! ЦРУ в лучшем виде. А какие спонсоры! Генри Киссинджер, Кондолиза Райс, Колин Пауэлл, Кофи Аннан, Мадлен Олбрайт. Организация активно занимается шпионажем, но никак не спасением людей. Во всяком случае, здесь. Ко мне

тоже приходила их босс, долго рассказывала, как они спасают людей в Африке. Я ее спросил: «Вы все сказали?» «Да». «Так вот: это бычье дерьмо». «Как вы смеете со мной так разговаривать?!» «Вы сидите у меня дома, пьете мой кофе, и вы пришли ко мне, а не я к вам. Вы нанимаете людей с черными сердцами. Они не годятся для работы. И я до сих пор не могу понять, что они вообще здесь делают». Слыхал, у IRC были проблемы и на Украине».

(Да, действительно, министерство госбезопасности непризнанной ДНР выслало с территории республики представителей Международного комитета спасения за шпионаж. Их обвинили в том, что они работали на линии соприкосновения с украинской армией и собирали данные о численности и расположении военных сил ополченцев. Первое, что насторожило донецкие спецслужбы, IRC не привез ни одного доктора, а только «психологов», которые проводили мастер-классы, встречи по интересам, индивидуальные консультации, переписывали паспортные данные и заполняли анкеты на местных жителей. А когда в офисе организации обнаружили специальные средства для прослушки, ДНР немедленно избавилось от «миссионеров».)

«Эрик, вы не боитесь за свою безопасность после ваших разоблачений в интернете?» – спрашиваю я.

«Я ежедневно получаю угрозы расправиться со мной и с моей семьей. «Таких» я не боюсь. Собака, которая лает, кусать не будет. Опаснее те, кто молчат. Один из боссов «благотворительных организаций» как-то мне сказал, что он «решит мою проблему». То есть он решит МЕНЯ как проблему. Пусть попробуют.

Тут прошлой осенью приехал член Европарламента, чтобы «собрать доказательства трудного положения беженцев». Нас пригласили на ужин. Этот упитанный благополучный депутат собирался провести три прекрасных месяца на Лесбосе для «изучения обстановки», обедая в лучших ресторанах, проживая в пятизвездочном отеле и получая дополнительную оплату за то, что работает в «зоне высокого риска». Я его спросил: «Вы что, телевизор не смотрите? Или газеты не читаете? Или не знаете, как работает интернет? Какие вам еще нужны «доказательства»? Вы хотите просто развлечься на деньги ЕС. Мне противно на вас смотреть». Я встал и вышел из-за стола.

Но самые большие хитрецы — это бюрократы из «Врачей без границ».

«Не давайте им ни доллара!»

О, к «Врачам без границ» у меня личный счет. Это было на греко-македонской границе, намертво запертой для беженцев. Десять тысяч людей сидели на рельсах заблокированной железной дороги в крохотных палатках. Многие из них совершенно утратили всякий интерес к действительности. Жизнь для них остановилась.

Девушка-волонтер из Лондона, арабка по происхождению, привела меня в большую семью, где все рыдали без остановки и рвали на себе волосы. Как я поняла из плохого перевода (девушка не очень понимала местный диалект), в семье умерли за неделю двое малолетних детей, и никто не знает, куда их отвезли.

Я решительно направилась к палатке «Врачи без границ», откуда вышла агрессивная женщина средних лет и, не поздоровавшись, спросила, что мне нужно. Я представилась, предъявила удостоверение, и она тут же «отфутболила» меня в домик на колесах. Я постучалась в домик, дверь слегка приоткрыли и подозрительно спросили, кто я такая. Я

объяснила, что я журналистка и меня волнуют обычные вопросы: сколько в лагере больных, какая санитарная обстановка, сколько умерло. «У вас есть разрешение на разговор?» – спросили меня через щелку. «А почему у меня оно, собственно, должно быть? Вам есть что скрывать? – удивилась я и толкнула дверь в домик так, что парню пришлось посторониться. – Вот мое удостоверение, где по-английски написано, что все общественные и государственные организации должны оказывать мне содействие, как журналисту. Ответьте мне на элементарные вопросы. Кстати, вы доктор?» «Нет, я администратор», – ответил мой неприветливый собеседник и бросился звонить по телефону. После долгих переговоров с невидимым начальником он сказал, что я могу оставить номер телефона и мой емэйл, и со мной обязательно свяжутся. (До сих пор так и не связались!) Жара стояла под сорок, и я попросила воды. «У нас нет воды», – грубо ответил администратор (на столе стояла упаковка бутылок с водой!) и буквально вытолкнул меня из домика.

Следующее столкновение с «Врачами без границ» произошло на острове Лесбос в лагере для детей-беженцев, потерявших родителей. Детей я так и не увидела. Ни одного! Меня встретила на этот раз приветливая девушка, которая с оттенком грусти заметила мне, что детей без разрешения руководства видеть нельзя. Ведь бедных деток так легко травмировать! «Хорошо, – упорствовала я. – Но ответьте мне на простой вопрос: сколько здесь детей и откуда они?» «Опять же не могу. Это конфиденциальная информация!» «В каком смысле?! – вскипела я. – Вы что, КУПИЛИ этих детей? Это не ВАШИ дети! Вы общественная организация, а я журналист! И люди имеют право знать, что в вашем лагере делают с детьми». «Иногда мы, конечно, устраиваем экскурсии для журналистов», – извиняющимся голосом сказала девушка. «А мне не нужны подготовленные «экскурсии». Я имею право войти и посмотреть». «Вы нам оставьте свой номер. Мы с вами свяжемся». Я вылетела оттуда, как ошпаренная.

В частном лагере «Солидарность» для беженцев, больных тяжелыми заболеваниями (некоторые из них раненые, как сирийка из Алеппо Самах, которая передвигается на костылях), волонтер из Шотландии Вильям посетовал, что им очень не хватает помощи врачей. «Да вот же они!» – удивленно воскликнула я, указывая на огромную палатку с надписью «Врачи без границ». «Ну, да, она уже здесь полгода стоит, – хмыкает Вильям. – Приехали, поставили палатку так, чтобы ее сразу было видно с дороги, и смылись. Те еще доктора!»

«О, это они любят! Палатки повсюду ставить! – хохочет англичанин Эрик Кемпсон. – А все-таки я этих подонков поймал. Они заявили, что контролируют лагерь беженцев Кара Тепе. Там была страшная грязь. Я взял журналистку с видеокамерой, и мы приехали утром в лагерь с добровольцами, чтобы вычистить там туалеты и убрать территорию. В 11 часов утра в домик с надписью «Врачи без границ» заскочили двое и тут же закрылись. Мы стучим. «Пошли вон!» – кричат нам. «А ну, откройте, я журналистка! – возмутилась девушка. – И вообще, у вас тут очередь из больных!» Тогда они высунулись. «У вас тут полная антисанитария, – заявил я. – Не хотите убирать, раздайте беженцам метла, лопаты, средства дезинфекции, и они сами все сделают. И где ваши доктора? Что-то мы их не видим за работой!» После того, как я опубликовал это видео в ютубе, ко мне явился их босс со словами «Вы лжец!» Я ему ответил: «У меня есть видео, а у вас ничего, кроме громких заявлений. Вы мошенники».

Обман, надувательство, громадные пожертвования, идущие неизвестно на что. Это еще пол-беды. За «Врачами без границ» тянется подозрительный след.

Кто же Вы, доктор Кушнер?

Западные медиа называют его «доктор Пропаганда», а сербские СМИ – «доктор Менгеле». Французский врач, основатель организации «Врачи без границ», экс-министр иностранных дел Франции (2007 — 2010). По оценкам израильских СМИ, входит в число 15 самых влиятельных евреев мира.

В молодости — коммунист (из компартии его, правда, быстро выгнали). Входил в группу «икорных левых» (так презрительно называют во Франции буржуазную богему, рассуждающую за бокалом шампанского о троцкизме и социализме). Участвовал в нескольких гуманитарных миссиях и первым сообразил, что их можно использовать исключительно в политических целях. Разорвал отношения с «Красным крестом» за их «нейтральный» и даже «аморальный подход» и создал в 1971 году организацию «Врачи без границ».

В чем же «фишка»? «Красный крест» ради доступа в зону боевых действий с обеих сторон конфликта прежде был аполитичен, исходя из принципа: «Мы лечим всех, потому что это наш врачебный долг, и не разделяем людей по политическим взглядам». Кушнер настаивал на «более нравственном» врачебном подходе, который допускал, что на каждой войне есть «жертвы» и «убийцы», есть «хорошие наши» и «плохие чужие». Это перевернуло все с ног на голову, даже клятву Гиппократата, и пришлось по вкусу западным политикам. Теперь можно было безнаказанно устраивать переворот в любой неудобной стране, посылать туда гуманитарные организации, чьи руководители со скорбными лицами сообщали о «многочисленных жертвах» со стороны оппозиции и даже намекали на «геноцид» какого-нибудь меньшинства, фотографии крупнейших медиа публиковали ужасающие снимки, а политики делали заявления о том, что надо остановить очередного «сумасшедшего диктатора».

Вот тут-то и пригодилась теория доктора Кушнера о «гуманитарной интервенции» и «обязанности вмешаться». В январе 1993 года настал его звездный час (к этому времени Кушнер уже «достал» даже своих коллег из «Врачей без границ», шумно ушел, сохранив, однако, свое влияние, и создал альтернативную организацию «Врачи мира»). Его новая организация потратила около двух миллионов долларов (интересно, кто их дал?) на рекламную кампанию против Слободана Милошевича (странная работа для врачей, не правда ли?), которого сравнивали с Гитлером, а лагеря боснийских сербов для военнопленных — с концлагерями нацистов. (Даже Алия Изетбегович, первый президент Боснии и Герцеговины и заклятый враг боснийских сербов, на смертном одре признал, что его утверждение было ложным: лагерей смерти не было, хотя условия для военнопленных были ужасными.)

Демонизация сербов привела в 1995 году к бомбардировкам боснийских сербов авиацией НАТО, а в 1999 году в ход пошла доктрина Кушнера о «гуманитарной интервенции», с помощью которой НАТО полностью разрушило цветущую Югославию, создало бандитское квазигосударство под названием «Косово» и упрятало в Гаагскую тюрьму законного президента (уже Сербии) Слободана Милошевича, где он и умер при весьма подозрительных обстоятельствах.

А Кушнера наградили важным постом. В 1999 году он возглавил миссию ООН в оккупированном Косово. Дальше начинаются совсем темные дела: похищения албанцами сербов, цыган и «неправильных» албанцев, выступивших против премьер-министра Косово Хашима Тачи. Жертв разделявали на органы и переправляли их сердца и почки в Европу, Израиль и Турцию. И снова фактор времени: учитывая, что органы можно переправить только самолетом (счет идет на часы!), кто давал разрешение на их отправку? Любой груз фиксируется и проверяется на таможне. И как глава миссии добрый доктор Кушнер мог об этом не знать, будучи фактическим диктатором Косово? Расследованием занялась прокуратура

Гаагского трибунала Карла дель Понте, которую впоследствии отстранили от дела и отправили в почетную ссылку послом в Аргентину. В своей книге «Охота. Я и военные преступники» Карла прямо обвинила в препятствии расследованию чиновников миссии ООН и их главу Бернара Кушнера. Позже этим занялся депутат ПАСЕ Дик Марти, опубликовавший доклад о похищении людей в Косово и продажи их органов. Ему удалось привлечь к ответственности лишь непосредственных исполнителей (в частности, приштинскую клинику «Медикус», изымавшую органы у жертв), но все покровители ушли от расплаты.

Сам доктор Кушнер весьма легко относится к человеческой смерти. Он признался, что «из милосердия» лично умерщвлял в Ливане и Вьетнаме безнадежных пациентов (таких ли уж безнадежных? И кто теперь это проверит?) А теперь угадайте, кого назначили в 2015 году куратором реформы здравоохранения Украины со стороны международной общественности? Разумеется, доброго доктора Кушнера, который вошел в так называемое Агентство модернизации Украины. Остается надеяться, что слухи об изъятии органов у раненых украинских солдат так и останутся слухами.

Свидетелей не оставлять

12 тысяч пропавших, официально зарегистрированных детей-беженцев. Сирийцы, продающие свои почки, чтобы переплыть море. Тайные бордели, где находят малолетних детей неизвестного происхождения. Умные, хладнокровные врачи-убийцы. Госпитали, где проводятся незаконные операции. Знаменитые благотворительные организации с белоснежной репутацией, благодаря которым можно доставить органы в любой конец света.

И ни одного свидетеля. Все они мертвы.

Филиппа Кемпсон, англичанка с благородным сердцем с острова Лесбос, грустно смотрит в сторону моря, откуда может появиться очередной корабль с беженцами.

«Великобритания уже заявила, что не будет разыскивать пропавших детей: мол, это не ее граждане, – говорит она. – Мне стыдно за свою страну. Власти подобным заявлением дали зеленый свет всем контрабандистам людьми и торговцам органами. Только при сносе лагеря беженцев в Кале пропало 129 зарегистрированных детей за один день! Вы можете себе это представить?!»

Я слышу шелест моря, и глаза мои увлажняются. Где же вы, малыши? Люди отказались от вас. И кто поможет вам, кроме Бога?

[Дарья Асламова](#)